

КНИГА №2 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О
СПЕЦАГЕНТЕ ФБР КАМИ ЛАРК

**ПРЯМО
ЗА
ДВЕРЬЮ**

БЛЕЙК ПИРС

Блейк Пирс
Прямо за дверью
Серия «Спецагент ФБР
Ками Ларк», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74375553
ISBN 9798261457909

Аннотация

Это второй роман в новой серии автора бестселлеров номер один и автора бестселлеров по версии USA Today Блейка Пирса, чьи бестселлеры получили более 7000 пятизвёздочных оценок и отзывов. Захватывающий и леденящий душу криминальный триллер с блестящим и измученным агентом ФБР в главной роли, эта серия представляет собой увлекательную тайну, наполненную непрерывным действием, напряжением, поворотами и неожиданностями, откровениями и движимую головокружительным темпом, который заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи. Поклонники Рэйчел Кейн, Терезы Дрисколл и Роберта Дугони обязательно влюбятся.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	11
ГЛАВА ВТОРАЯ	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	32
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	40
ГЛАВА ПЯТАЯ	46
ГЛАВА ШЕСТАЯ	53
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

БЛЕЙК ПИРС ПРЯМО ЗА ДВЕРЬЮ

**КНИГА №2 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ
О СПЕЦАГЕНТЕ ФБР КАМИ КЛАРК**

ПРОЛОГ

Брук Перкинс нахмурилась, глядя в экран перед собой, и забарабанила пальцами по столу. Она увидела шанс – и собиралась им воспользоваться.

– Пора убивать, – пробормотала она. – Тебя убьют, изувечат и уничтожат. Когда я с тобой закончу, в тебе не останется ни единого дыхания жизни. Тебя сотрут в пыль.

Она удовлетворённо кивнула; светлые волнистые волосы подпрыгнули, когда она потянулась к сверкающе-белой клавиатуре.

Разумеется, она говорила образно – хотя ей хотелось, чтобы результат оказался таким же окончательным, как если бы всё было по-настоящему. Но это нужно было сделать.

Брук увязла в споре в соцсетях, который стремительно катился под откос. Теперь это уже было полноценной перепалкой. Главной оппоненткой оказалась пылкая, довольно сумбурная женщина лет сорока с хвостиком: сначала она упорно стояла на своём, а теперь всё больше срывалась на эмоции.

«Да ты просто травишь людей! И ты не уважаешь моё мнение!» – пожаловалась женщина.

«Смысл этой дискуссии – подкреплять своё мнение железными фактами. Есть что-то? Или факты закончились?» Брук улыбнулась, печатая. Эта женщина была старше её больше чем на десять лет, но Брук была умнее – и печала-

тала быстрее тоже.

«Я привела тебе факты! Я объяснила тебе, почему наше общество не уважает пожилых. А ты их игнорируешь!»

«Не-а, милая. Никаких фактов в твоих словах и близко нет. И опыт твоей собственной бабушки не считается, кстати. Ты же это понимаешь? Давай доказательства, которые подтверждают эту твою безумную теорию. Или, может, признаешь поражение?»

«Ты уже просто троллишь! С какой стати мне снова приводить тебе доказательства?»

У её противницы в этой ветке логика давно вылетела в окно. Пора было это заканчивать.

До сих пор Брук держалась сравнительно вежливо. Но болтовня этой женщины ей наскучила, и пришло время снять перчатки.

Раннее утреннее солнце блесело в щели между жалюзи. Потянувшись, она закрыла просвет – иначе через пару минут на экране появятся блики.

Она взяла чашку кофе и сделала глоток.

Госпожа Эмоции. Она уже встречала таких – не именно эту женщину, но в самых разных обличьях. Тип один и тот же. Все легко заводятся. Все мыслят и верят нелогично. Всех легко подцепить на крючок. Брук не могла не забавляться. Эта Госпожа Эмоции жила в Нью-Гэмпшире – рядом с её Массачусетсом, но при этом как будто на другой планете.

Но как бы весело ни было, пора прикрыть лавочку.

Где-то вдалеке она услышала звонок в квартиру этажом ниже. Она жила на втором, но иногда её квартира улавливала шум снизу. Она поморщилась, когда резкий, узнаваемый звук ворвался в её мысли.

Обычно ей удавалось не обращать внимания, но теперь она невольно задумалась: неужели к этим снизу будут регулярно ходить посетители так рано? Стоит присмотреться – вернее, прислушаться. Если это станет повторяться слишком часто и не в рабочее время, она такого терпеть не собиралась.

Впрочем, с этим разберёмся в другой день – а сейчас была её собственная битва. Чётко представляя, что именно хочет написать, она повернулась обратно к экрану, чтобы стереть Госпожу Эмоции в порошок.

Но тут она снова нахмурилась, услышав отчётливое *туп-туп* бегущих по лестнице шагов.

Что ещё там такое?

Это было ещё одно, что она терпеть не могла в этом многоквартирном доме. Когда по лестнице ходили люди, было шумно. Брук понимала, что, поселившись рядом с лестничной клеткой, сама нарывается на такой грохот, но всё равно это бесило, когда случалось.

И с чего вдруг кто-то поднимается наверх?

Вдруг Брук сообразила: это странно. Она привыкла слышать, как по ступенькам кто-то топает и стучит вниз. Но чтобы кто-то бежал вверх – да ещё так явно торопясь, – она, кажется, и не припоминала.

Это дети, которые живут на два этажа выше? Может, кто-то из них что-то забыл и теперь мчится по лестнице за забытым?

У неё был номер их матери. С ними уже бывали проблемы. После прошлогоднего случая она вылетела из списка квартир, куда ходят за конфетами на Хэллоуин: тогда у неё напрочь пропало чувство юмора. Шумным детям и шумным собакам не место в многоквартирном доме – так она считала.

Она как раз думала, не написать ли в общий чат дома, как вдруг услышала звук, от которого её будто подбросило на стуле, а живот сжало ледяным страхом.

Дёргалась её входная дверь. Кто-то – тот самый, что только что взбежал по лестнице, – теперь стоял снаружи, и по звуку было похоже, что он пытается вставить ключ. Или как-то поддеть замок.

– Кто там? – крикнула она. – Вы ошиблись дверью!

Но дверь продолжала дребезжать, и в этом звуке слышалось что-то бешеное, отчаянное.

Адреналин хлынул в кровь. Брук схватила телефон и вскочила из-за стола, бросившись в коридор.

Она судорожно втянула воздух. Так и есть: дверь тряслась и ходила ходуном, и сомнений не оставалось – незваный гость пытается вломиться.

Внутрь. В её квартиру. Взлом. Это могло быть ограбление – или хуже.

Она разблокировала телефон и холодными, дрожащими

руками набрала 112.

Ничего. Вызов не пошёл, и дыхание у неё сбилось ещё сильнее. Что происходит? Она опустила глаза и увидела, что ошиблась номером: от страха нажала не ту кнопку.

Она набрала снова дрожащими пальцами, в панике воображая, стоит ли вообще звонить в 112 или надо было бежать и где-нибудь забаррикадироваться – в ванной, например. Она плохо воображала.

А если он всё-таки войдёт?

Ей всегда казалось, что в экстренной ситуации она будет из тех, кто действует решительно и правильно. И посмотрите на неё! Стоит как вкопанная, парализованная страхом и шоком, и пытается дозвониться в 112, пока помощь ещё доберётся. А ведь даже сейчас, хотя он не пытается прямо выбить дверь, она слышит звук, очень похожий на тот, когда защёлка начинает сдавать.

Нервы не выдержали – Брук развернулась и побежала. Она рванула по коридору, и в тот же миг услышала звук, которого боялась, звук из кошмаров. Входная дверь распахнулась.

Задышавшись от ужаса, она резко обернулась.

В проёме стоял мужчина в лыжной маске, в тёмной одежде; высокий, массивный силуэт чёрной громадой заполнял открытую дверь.

– Нет! – закричала Брук. – Нет! Пожалуйста!

Телефон выпал у неё из руки. Ноги стали ватными. В го-

лове стлалась мутная пелена ужаса.

А мужчина был полон решимости. Он окинул взглядом квартиру. Приклеился глазами к ней. И бросился прямо на неё.

– Нет! – завизжала Брук, но крик вышел тонким и дрожащим.

Ей хотелось сказать ещё что-то – умолять, просить пощады, цепляться за жизнь, как-то отбиться. Вместо этого она развернулась и побежала, надеясь успеть в ванную и запереться.

Но он настиг её тремя огромными шагами – и времени больше не осталось.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кэми Ларк сидела за столом в своей крошечной комнате в студенческом жилье при Массачусетском технологическом институте. На столе лежали горой её выпускные учебные проекты. Сегодня она наконец привела учёбу в порядок, в том числе основательно позанималась «Операционными системами» и «Алгоритмами» – курсами, печально известными своей сложностью.

Будучи студенткой на полной стипендии, она понимала: позволить себе что-то меньшее, чем блестящий результат, она не может. Её цель – первое место на курсе, и почти всегда она этого добивалась.

Теперь, когда с этой работой было покончено, она наконец позволила себе сосредоточиться на загадке, которая прожигала ей мозг всю последнюю неделю.

Как кто-то в ФБР смог сделать так, чтобы дело её сестры по сути самоуничтожилось, когда Кэми тайком пролезла в систему, чтобы получить к нему доступ?

Как такое вообще возможно? И главное – зачем туда посадили эту хитрую программу? В итоге она получила лишь испорченную кашу из случайных фрагментов текста, в которой невозможно было ничего разобрать.

«Что думаешь?» – напечатала она, машинально проводя ладонью по выбритому виску своей крашеной в чёрный дерз-

кой причёски – привычный жест, когда мысли заходили в тупик. Она тронула серьгу, прокручивая на пальце серебряное колечко.

Она переписывалась в тёмной сети с онлайн-подругой по нику «Амо-1». Амо-1 жила в другой стране; вживую они никогда не встречались и, скорее всего, не встретятся. Но это был человек, которому Кэми доверяла. Они обменялись многим: делились информацией, приёмами взлома, рецептами коктейлей, эскизами татуировок и время от времени обсуждали новости.

У обеих аватары были с зелёными глазами. Настоящего лица подруги Кэми никогда не видела. Она гадала, правда ли у той зелёные глаза – как у неё самой. При всей анонимности они успели рассказать друг другу достаточно личного – и вполне безобидного, и того, о чём вслух не говорят, – чтобы Кэми знала: эта подруга не предаст её, если попросить взглянуть на такое. И всё же Кэми переименовала испорченный файл и отправила только обрывки – такие, что напрямую не вели к ФБР. Нулевое доверие – обязательное правило, она это понимала.

Но ей нужно было мнение Амо-1: та специализировалась на восстановлении и извлечении данных. Это была её профессия.

«Похоже на повреждение, но умышленное», – ответила подруга. «Я видела тысячи битых документов, и они не выглядят вот так».

«А как это сделать?» – спросила Кэми.

Амо-1 в ответ прислала эмодзи с пожатием плеч. «Кто-то прописал это в программе. Есть ещё какая-то инфа по нему?» – спросила она у Кэми.

«Пока нет», – ответила Кэми. «Не без того, чтобы не влезть в неприятности, которые мне не нужны».

«Откуда у тебя этот файл?» – спросила Амо-1.

«Не могу сказать», – ответила Кэми.

«Ты хочешь, чтобы я помогла, и ты не можешь сказать?» После этого посыпалась цепочка раздражённых эмодзи. Амо-1 взбесилась.

«Это не от меня зависит. Могла бы – сказала бы», – объяснила Кэми.

Повисла пауза.

«Кто-то держит тебя на крючке?» – спросила Амо-1. Кэми знала: подруга слишком проникательна, чтобы не подойти вплотную к правде. Но по крайней мере она уже не злилась.

«Да. На меня есть кое-что серьёзное. Мне не следовало бы в это лезть, но я лезу», – почти взмолилась Кэми.

Кэми никогда не думала, что окажется в положении, где вообще сможет узнать о деле своей сестры. И уж тем более – что сумеет разыскать его в архивах ФБР. Ей не положено было лезть в архивы, но когда подвернулась возможность, она не смогла удержаться.

Это случилось после того, как её жизнь перевернулась с

ног на голову из-за шоковой цепочки событий, в результате которых её фактически втянули в работу ФБР, чтобы она помогла с одним делом.

Всё началось с того, что она взломала их официальный сайт – в знак протеста против того, что считала их равнодушным и бюрократией, исходя из собственного опыта.

Ведь ФБР не помогло, когда шесть лет назад пропала Дженна. Между ними и её властным отцом-полицейским, решившим, что Дженна просто сбежала, дело так и не было раскрыто.

Но, торопясь взломать ФБР, Кэми допустила одну ошибку – и по ней они смогли её вычислить.

Кэми и представить не могла, что в итоге ей предъявят ряд тяжёлых обвинений и что ей будет светить двадцать лет тюрьмы.

Её спасла нехватка специалистов внутри ведомства. Трёх звездных агентов ФБР, которые занимались ИТ, недавно переманили в стартап, и в организации образовалась брешь, которую оказалось трудно закрыть.

Когда в ФБР увидели, на что она способна в ИТ, начальник бостонского офиса, агент Фрейзер, предложил ей сделку. Обвинения снимут, если она поможет им с одним делом.

Сначала Кэми отказалась – пока Фрейзер не заметил, что у неё нет права поносить организацию, а потом отказываться помогать, когда им это нужно. Так она на пару напряжённых дней вошла в команду, работая на людей, которых сперва

презирала, но потом – к собственному удивлению – начала уважать.

То короткое время изменило её жизнь и её взгляды самым неожиданным образом. Её привлекли как ИТ-специалиста, помогающего ФБР в действующем расследовании, и это дало ей временные привилегии, которые открыли ей глаза на реальность раскрытия преступлений. Как участница дела, подписав ворохи бумаг, она получила право присутствовать на допросах свидетелей, активно расследовать преступления вместе со своим напарником по делу, бывать на местах преступлений и работать с вещественными доказательствами после их надлежащего оформления.

Ей не разрешалось производить арест или пользоваться огнестрельным оружием. И это было нормально: Кэми сомневалась, что вообще сумела бы из него попасть в цель.

А после всего этого опыта она поняла, что дверь теперь приоткрыта – и она может помочь им снова. Хороших агентов нелегко заменить, когда они уходят, а при нехватке людей, разбирающихся в технологиях, агент Коннор, который был её напарником по расследованию, руководителем и начальником в недавнем деле, сказал, что, возможно, они ещё позовут её в будущем.

Кэми не знала, какими будут условия, если это и правда случится, и позволят ли ей отказаться. Но она надеялась, что на этот раз альтернатива будет не тюрьма – по крайней мере.

"Да-да. Ладно, перестану спрашивать. Но всё равно ин-

интересно," – сказал Амо-1.

"Прости," – набрала она, внезапно почувствовав себя виноватой от того, что Амо-1 ничего об этом не знает и всё равно пытается помочь.

"Это для тебя личное? Этот файл? Можешь хотя бы это сказать?"

"Это личное – и мне очень важно," – ответила Кэми.

"Занимаюсь," – отозвался Амо-1.

"Спасибо."

Повисла пауза. Кэми потянулась и отхлебнула диетической газировки из банки на столе. Тёплая, комнатной температуры. Гадость. Но кофе кончился, а она, хоть на часах было уже девять тридцать утра, так и не успела выйти из комнаты, чтобы купить свежие запасы.

Позже у неё была лекция. Может, она зайдёт по дороге обратно.

"Я тут вижу кое-что странное," – набрал Амо-1.

"Что именно ты видишь?" – ответила Кэми, надеясь, что друг подкинет какую-то догадку.

"Насколько хорошо ты замела следы, когда заполучила это?"

У Кэми распахнулись глаза. «Что?» – вслух сказала она, и слово прозвучало в её маленькой комнате слишком громко и слишком испуганно.

Вдруг обстановка стала куда менее домашней и куда более угрожающей. На что намекал Амо-1?

"В смысле?" – торопливо набрала она в ответ, и в животе похолодело.

"Я вижу следы программы внутри программы," – написал Амо-1.

"Что?????" – ответила Кэми.

"Только обрывки. Но это очень похоже на программу-по отслеживанию-и-выслеживанию файла, которую я пару раз встречал раньше."

"Скажи, что это не так!"

"Для тебя это проблема?"

"Супер-мега проблема."

"Она там почти наверняка есть. Сейчас подтверждаю окончательно."

"Это плохо."

"Прости."

Кэми дышала всё чаще. Программа слежения? Значит, файл был настроен самоуничтожиться при доступе, но ещё и содержал софт, который позволял вычислить того, кто его открыл – то есть её?

Кто это устроил? Кто теперь наблюдал за ней?

Её инстинктивное недоверие к ФБР вспыхнуло снова – в полную силу – в тот момент, когда она увидела, как файл начал разрушаться. А теперь оно переродилось в абсолютную паранойю. Её кто-то заметил. Кто-то ухватил её ускользающий цифровой след, вцепился в него и, возможно, сумел отследить её до самого конца.

Кто этот человек?

И, что куда страшнее, знает ли он, кто она?

Если бы так и было – если бы они знали историю Кэми с ФБР и то, как начались её отношения с ними, – у неё из-за этого могли бы быть огромные неприятности. Они могли даже решить пересмотреть те снятые обвинения. А вдруг их на самом деле не сняли, тревожно думала Кэми. Вдруг их просто отложили в долгий ящик – чтобы снова достать и пригрозить, когда понадобится.

Вот и всё. Её свобода могла закончиться. Её жизнь снова могли вывернуть наизнанку.

Надо попытаться разобраться в этом бардаке. Действовать придётся очень осторожно. Но теперь, шаг за шагом, как можно незаметнее, ей нужно пройти по собственным следам и попытаться снова выйти на тропу, которую обнаружил Амо-1.

И понять, кто по ней прошёл. От мысли, что кто-то это сделал, внутри у неё подкатывала тошнота.

В этот момент она вздрогнула от неожиданности: зазвонил телефон. Быстро, с внезапным уколом вины, Кэми приняла вызов – и у неё ухнуло сердце, когда она увидела номер. Причин могло быть только две, и ни одна Кэми в жизни не была нужна. Обе, каждая по-своему, означали, что она вот-вот вляпается по уши.

Ей звонил специальный агент Коннор из ФБР.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кэми с тревогой приняла звонок, на ходу набрав Амо-1 короткое «*мне пора*». Почему Коннор звонит? Это из-за дела Дженны, и он – или кто-то ещё – понял, что она к нему заходила?

Они думают, что она уничтожила файл? А что, если кто-то специально это подстроил, чтобы свалить вину на неё? Мысль была ледяной.

Проведя пальцем по экрану, Кэми сказала себе, что должна держаться. Надо оставаться спокойной и исходить из того, что он ничего не знает. Нет смысла ломаться под давлением – тем более заранее. Пока он не ткнёт её носом в доказательства, она будет молчать.

– Алло. Коннор? – сказала она, оглядывая захламлённую комнату с узкой кроватью, ноутбуком, постерами и заметками на стенах, понимая, что это её зона комфорта – и что есть немалый шанс, что её выдернут из неё подчистую.

– Кэми Ларк, мне нужно, чтобы вы приехали прямо сейчас.

– Приехать?

Она понимала, что это значит, но вопрос был лишь попыткой выиграть время. Она прислушивалась к тону Коннора. Пыталась понять, вляпалась ли она – и если да, то насколько серьёзно.

Через три часа у неё была пара. Но когда она раньше работала на ФБР, они связывались с университетом, и что бы они там ни говорили, про пропуск двух дней занятий никто даже не заикался.

– В бостонский офис. Мне нужно, чтобы вы были здесь. Как можно скорее.

Он отключился как раз в тот момент, когда она вдохнула, собираясь спросить ещё что-то.

Кэми скривилась. Она уже и забыла, насколько резким бывает специальный агент Коннор. Эта его командирская, давящая манера поднимала у неё шерсть дыбом. Сразу включался режим «бунт», напоминая, как с ней обращался отец.

Она так и не понимала, в беде ли она или нет. Ситуация была пугающе непрозрачной.

У Кэми была бейсболка ФБР и куртка, которую ей выдали, когда она работала на них две недели назад. Она спрятала их в шкафу. Теперь она открыла дверцу, достала вещи и надела, заправив волосы под кепку.

Она схватила ноутбук и сунула в сумку, добавив запасную одежду и косметичку – на всякий случай.

А потом, вспомнив про зарядки и тоже закинув их в сумку, она позвонила и вызвала такси до офиса ФБР на Мейпл-стрит в Челси, чувствуя, как внутри у неё бурлит смесь предвкушения и ужаса, пока она торопливо бросалась к двери.

Пятнадцать минут спустя такси высадило её у бостонского офиса ФБР. Она подошла к современному зданию со стеклянным фасадом, раздумывая, стоит ли позвонить Коннору или просто зайти внутрь и подняться прямо к нему.

Как выяснилось, не требовалось ни то ни другое. Коннор ждал её снаружи – мерил шагами площадку у главного входа, словно сердился за опоздание, хотя она неслась изо всех сил. Его волевое лицо с тяжёлой челюстью, чем-то напоминавшее Ками бульдожью морду, было суровым. Тёмные волосы, поседевшие на висках, были недавно подстрижены – коротко и аккуратно.

И снова в ней шевельнулась досада на весь этот казённый уклад. В теории она понимала, зачем ФБР нужны правила. Но это не означало, что она принимала их дух лично. Скорее наоборот. Она ненавидела, что не может работать так, как ей нужно. Будто одна рука у неё навсегда заведена за спину и связана.

И это заставляло её думать, что в долгой перспективе мировоззрения хакера и агента ФБР почти несовместимы. А стоит ли ей вообще здесь помогать? Есть ли хоть что-то, что она действительно может сделать?

– Заходи, – сказал Коннор.

Он нетерпеливо провёл её внутрь, и Ками снова закипела – совсем чуть-чуть, но ощутимо. Она добралась сюда молниеносно. Быстрее было просто невозможно. Такси приеха-

ло через две минуты и без остановок довезло до главных ворот офиса ФБР. Но Коннор своим языком тела намекал, будто она где-то шлялась, как бунтующий подросток, а он тут уже часами ходит взад-вперёд, как недовольный отец. По крайней мере, именно так она его считала. Она ничего не могла с собой поделать.

– В чём дело? Зачем я здесь? – спросила Ками, проходя контроль.

– Ты нужна на совещании. С Фрейзером. Мы опаздываем, так что надо шевелиться.

Тон у него был не таким жёстким, как она ожидала, и Ками подумала, не надумала ли она лишнего, глядя на его поведение. Он выглядел напряжённым, собранным и явно стремился поскорее начать. *Может, это ей самой пора перестать принимать всё на свой счёт*, напомнила она себе. Коннор, при всей своей неуживчивости, был не её отцом, и ей стоило перестать смотреть на него с тем же упрямо-обиженным настроением.

Он поспешил к лифту, и она двинулась следом, стараясь идти как можно быстрее и напоминая себе, что эта резкость – просто конноровская манера. Он не был человеком сочувствия, красивых слов и светской болтовни. А раз ему придется иметь дело с такими тяжёлыми преступлениями, то, наверное, отключать эмоции для этого опытного агента – ещё и способ выживать, и ей стоило это отметить.

Но, возможно, её вызвали не на преступление, напомни-

ла себе Ками. *Возможно, на что-то похуже.* Она вошла за Коннором в лифт; они поднялись наверх, вышли и повернули в сторону кабинета Фрейзера.

Изнутри доносились голоса. Когда они подошли, двое других агентов как раз выходили – с суровыми лицами, с пачкой папок в руках; они тихо переговаривались между собой.

Подтянутый, спортивный Фрейзер с жёстким, серьёзным лицом сидел за небольшим столом для совещаний у себя в кабинете. Ками показалось, что, хотя ещё нет и десяти утра, в этой суетливой комнате уже успели отработать целый день.

– Доброе утро, Коннор. Доброе утро, Ками. Садитесь, – сказал он, указывая на стул.

Ками села.

Она чувствовала, что это не её личные неприятности. Об этом говорил его настрой. И то, как он обращался к ним, тоже на это намекало. А спустя мгновение он подтвердил, что она права. По крайней мере – пока.

– Ками, мы зовём тебя потому, что у нас появилось ещё одно дело, и там нужна ИТ-экспертиза на уровне, которого в этих офисах у нас всё ещё нет. Дело об убийстве. Серийном. Пока двое жертв, и убийца явно выбирает их, исходя из их взаимодействий в интернете.

Как ни шокировало Камми то, что за этим столом убийство обсуждали как суровую данность, она заколебалась. Они вот так просто решили, что она согласится? А у неё во-

обще есть выбор? А если она занята? А она была занята – и ещё как. Впереди маячили выпускные экзамены. До диплома оставался один шаг.

И всё же Камми признала: прошлое дело задело её изнутри. Она слишком близко к сердцу приняла то расследование. В какой-то момент ей казалось, будто она сражается за жертв и за справедливость. Её саму удивило, с какой страстью она в это ввязалась и как сильно её бесило, что где-то ходит убийца, терроризирующий невинных женщин.

– У меня есть выбор? – спросила она.

Она хотела, чтобы вопрос прозвучал нейтрально, но видела: Коннора это задело мгновенно. Он резко втянул воздух и впился в неё злым взглядом.

Фрейзер, однако, выглядел куда спокойнее.

Он сцепил пальцы и задумчиво посмотрел на Камми. В его взгляде – в том, как он на неё смотрел, – было что-то такое, от чего ей стало не по себе, словно она виновата. Словно она подозреваемая, которую вот-вот начнут допрашивать с пристрастием.

– Тут всё непросто. И да, и нет. Есть ещё обстоятельства, о которых я пока не говорил. Обстоятельства, о которых я узнал только что. Так что позвольте ввести вас в курс.

Он смотрел на Камми прищурившись.

Она ждала, не показывая, насколько нервничает, и внимательно слушала, когда Фрейзер заговорил.

– Сверху последовало сопротивление нашему решению

снять обвинения.

Она увидела, как у Коннора сжались губы; он повернулся к ней, явно злой.

– Но как они вообще могут вернуться и потребовать пересмотреть такое? Если обвинения сняты, значит сняты, разве нет? – спросила она, потрясённая.

– Да. Разумеется. Руководство это признаёт. Но вот что они не принимают и из-за чего теперь возмущаются: вы участвовали лишь в одном деле и совсем недолго.

Коннор кивнул – и в Камми снова вспыхнуло раздражение. С чего она взяла, что они учатся ладить? Теперь казалось, будто её опять силком сталкивают с отцом, как раньше.

– Они заявили, что для того, чтобы настолько серьёзные обвинения были прощены и забыты, требуется более длительный срок. Что вы должны быть на связи с ФБР определённое время. Они предложили год. Эта служебная записка легла ко мне на стол сегодня утром. К слову – в течение часа после того, как ФБР уведомили о новом деле серийного убийцы.

Год?

Камми уставилась на него в ужасе. Одно дело казалось сильным сроком – тем, с чем она ещё могла справиться. Но целый год? Это звучало бесконечно. А что, если через год они решат, что нужен ещё год? Это может обернуться пожизненной кабалой!

Она не понимала, что это будет значить для её будущей

карьеру. Преподаватели говорили, что несколько стартапов уже готовы сделать ей предложение о работе после выпуска, но что подумает стартап, если их новый сотрудник с утра пораньше позвонит и скажет, что сегодня не придёт, потому что помогает ФБР неизвестно сколько времени – и без всякого выбора? Это может поставить крест на её перспективах.

– Я считаю, это нечестно. Так менять правила игры. А если они и дальше будут так делать?

Но Фрейзер покачал головой.

– Есть прецедент. Похожая ситуация в прошлом. Они привели её в качестве примера. Тот человек год оставался на связи – из-за своих специфических навыков.

– А после года?

– Его отпустили. Ни обвинений, ни проблем. Мы разошлись каждый своей дорогой, – сказал Фрейзер.

– Год – это ещё не значит, что дел будет так уж много, если мы сумеем подключить толковых агентов. Но всё равно, по-моему, это отговорка, – проворчал Коннор, явно раздражённый тем, что Камми позволила себе минутное неповиновение.

– Я вынужден был с ними согласиться. Год дежурств по вызову, когда это потребуется, – разумное условие. Ты даже не представляешь, какой политический и репутационный удар мы получили из-за того, что сайт лег. Для тебя это были пару минут шалостей и мести. Для нас – последствия оказались крайне серьёзными.

– Правда? – настороженно спросила Ками.

– Могу прямо сейчас сказать: время, которое мне пришлось зарезервировать под разбор этой темы, уже перевалило за тридцать часов. Тридцать часов совещаний, напрямую вызванных тем, что ты устроила с сайтом. Не считая трёх перелётов в Вашингтон, округ Колумбия, Вирджинию и Сан-Франциско на брифинги по безопасности для руководства. Прибавь к этому ещё часы – и мы далеко за шестьдесят. И это ещё не конец. Честно говоря, это время, которого у меня нет. Время, которое я предпочёл бы тратить на работу, на свою команду и на борьбу с преступностью. Но вышло так, как вышло, и разбираться пришлось мне – потому что, по чистой случайности, на момент преступления ты была жительницей Массачусетса, а значит, это моя юрисдикция.

– Видишь? – спросил Коннор, зло глядя на неё.

Ками видела. Она не понимала, что так много будет значить именно потраченное впустую время. Дело было не столько в её поступке, сколько в волне последствий, которую он поднял.

Фрейзера это ударило больно. Из-за того, что она сделала. И хотя бунтарка в Ками хотела взорваться от злости – несправедливо же, когда на ходу меняют правила, – она понимала и другое: нельзя вести себя как избалованная девочка.

Ей нужно было проглотить гордость и взять на себя часть удара – так же, как Фрейзеру пришлось сделать это.

– Понимаю, – сказала она. – Я не осознавала.

– А с чего тебе осознавать, если очевидно, что ты вообще не уважаешь организацию? – проворчал Коннор.

Стиснув зубы, Ками его проигнорировала. Он явно пытался её взвинтить. Нельзя было на это поддаваться.

– Тогда я согласна на год. Думаю, это справедливо.

Одобрительный кивок Фрейзера совпал с тем самым мгновением, когда с лица Коннора наконец исчезла хмурость. И тут Ками подумала о ещё одном возможном осложнении.

– А если дело поступит, пока у меня выпускные экзамены?

– Мы разберёмся, – сказал Фрейзер таким тоном, что сомнений не осталось: разберётся. – И был ещё один вопрос.

Ками внутренне напряглась. Не окажется ли это той самой ниточкой, которая приведёт Федеральное бюро расследований к тому, что она копалась в их архивах?

Но Фрейзер покачал головой.

– Вообще-то я пока не готов это обсуждать. Сначала хочу посмотреть внимательнее.

Узел в животе Ками затянулся ещё крепче. Она всё сильнее убеждалась, что речь именно об этом. А раз Федеральное бюро расследований уже показало, что умеет переставлять ворота как ему удобно, Ками стало по-настоящему страшно, к чему это приведёт.

– А сейчас мне нужно, чтобы ты приступила к этому делу, – решительно сказал Фрейзер. – Коннор, хочешь разо-

брать его у себя в кабинете? Я распоряжусь, чтобы всю документацию переслали. – Он взглянул на часы. – Мне надо успеть на самолёт.

Они поднялись, и Ками пошла за Коннором в его кабинет, чувствуя, что эта встреча закончилась далеко не блестяще.

Во второй раз они снова начали не с той ноги – и теперь предстояло раскрыть дело о серийном убийце.

Кабинет Коннора, решила Ками, когда вошла в небольшую комнату с большим окном, в нескольких дверях от кабинета Фрейзера, был точь-в-точь как он сам. Деловой, безличный, с подчеркнута старомодным стилем.

Он был выдержан в кремовых и коричневых тонах; массивный деревянный стол с тёмным кожаным креслом, деревянные книжные полки и картотечные шкафы. Полки были набиты томами, о которых она, даже не заглядывая в корешки, знала: всё до последней страницы – строго по работе.

Единственным ярким пятном была ваза с пёстрыми цветами на одном из шкафов.

Ками помнила, что в их последнюю совместную работу она из любопытства пробила его личную жизнь и увидела: он встречается с дизайнером интерьеров. Поскольку та жила в Вирджинии, где Коннор недавно работал, пока его внезапно не перебросили обратно в Бостон, Ками решила, что теперь у них отношения на расстоянии.

Цветы от неё – просто так? Или по поводу? День рождения, годовщина?

Спрашивать она не собиралась: Ками знала, что Коннор сейчас не в настроении отвечать. Он был на все сто сосредоточен на предстоящем деле. Вряд ли он оценит пустую болтовню, да и, по правде говоря, сама Ками никогда не блистала в светской беседе. Так что, усмехнулась она про себя, возможно, у них с Коннором куда больше общего, чем ей хотелось бы признавать.

Он сел за стол, кивком указал Ками на стул напротив и раскрыл ноутбук.

– Прислали детали по электронной почте, – буркнул он. – Похоже, дело ещё формируют.

– Какие детали? – спросила Ками, стараясь отогнать внутренние мысли и сосредоточиться на работе.

– В районе Бостона и окрестностях убиты две женщины. Обе – ножевые. В дома и квартиры проникали, но убийца действует молниеносно: влетел – вылетел, и из здания, и из района. Никто ничего не видел. Записей с камер пока нет. Похоже, он отлично знает местность, где работает. Пути отхода, соседей, где стоят камеры. Короче, преступления быстрые, грязные и хорошо подготовленные.

Оказавшись в привычной рабочей колее, Коннор говорил живее и уже не так резко.

– Почему понадобилась техническая экспертиза? – спросила Ками, надеясь, что этот вопрос снова не выведет Коннора из себя. Но он, кажется, счёл его вполне логичным.

– Потому что обе жертвы в момент смерти были в интер-

нете. Ввязались в ссоры, дискуссии или какие-то перепалки.

– И откуда вы знаете, что это намеренно? Почему это вообще связано? – не отступала Ками.

– Потому что каждый раз, прежде чем уйти, убийца писал комментарий в той самой переписке, в которой они участвовали. Писал на их устройствах, под их именем и профилем – и только потом убирался к чёрту из их домов. Всего три слова, заглавными буквами, одинаково у обеих. «Я МЕРТВА. ПРОЩАЙ».

Глаза Ками распахнулись. Это было до жути.

Без сомнений, убийца знал, что его жертвы находятся онлайн. Но как он об этом узнавал – и почему выбрал именно этих двоих?

Озадаченная, она взяла стопку листов, которую протянул ей Коннор, надеясь, что сумеет связать ниточки в узор, который в конце концов приведёт к убийце.

И тут Коннор снова выбил её из колеи.

– Прочтёшь в машине, – сказал он. – Выезжаем.

– Куда? – спросила она, вскакивая, потому что он уже выходил из-за стола.

– На место последнего преступления. Нам сообщили час назад, оно ещё не закрыто. Там может быть то, что поможет. Давай. Время терять нельзя. – Не обращая внимания на её ошарашенное лицо, он прошёл мимо и направился к двери.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У Ками скрутило живот от нервов, когда она подошла к неприметной машине и села рядом с Коннором. Это было ровно то, куда ей меньше всего хотелось попасть. По дороге на место убийства, с ножевыми ранениями? Что она там увидит? Насколько всё будет страшно?

Пытаясь отвлечься от этих тревожных мыслей, она пролиستала бумаги, которые дал ей Коннор, стараясь как можно быстрее вникнуть в дело.

«Я МЕРТВА. ПРОЩАЙ». Мороз по коже. Это точно указывало на целенаправленность, и Ками гадала, связано ли это вообще с тем, что происходило у жертв в интернете. Они были на одном и том же портале или сайте? Хотелось верить, что в этих распечатках, ещё тёплых после принтера, найдутся нужные подробности.

– Быстро: суть, – приказал Коннор, выруливая с парковки и пролетая через главные ворота.

– Последняя жертва жила одна. Мы едем к её дому, в многоквартирный. Её зовут Брук Перкинс.

– Это общий признак? Что они жили одни? – спросил Коннор.

Ками быстро пролистала материалы, выискивая ответ.

– Нет. Первая жертва, Клео Бут, жила в доме с соседкой по жилью, но в тот момент той не было. И обе жертвы жили

в разных районах Бостона. Примерно в десяти километрах друг от друга.

– Есть ещё какие-то возможные связи? Кем они работали? – спросил Коннор.

– Клео – журналистка. Точнее... была, – поправилась Ками.

– Любопытно, – сказал Коннор, и Ками поняла: он думает, не могла ли именно журналистика сделать её мишенью.

– Брук вела блог и специализировалась на комментариях про соцсети.

– Значит, обе – писали. Что-нибудь скандальное?

– Здесь об этом не сказано, но я могу выяснить.

Ками достала телефон и принялась искать.

– Не про Брук. По крайней мере, тут ничего такого нет, но я проверю. А вот Клео, по-моему, могла заниматься разоблачениями и всем таким.

Гадая, чем могла успеть отметиться Брук, Ками полезла в её портфолио в соцсетях и заодно просмотрела лайки и активность в сети.

Клиенты у неё были самые разные, а сама она активно и громко высказывалась на страницах совершенно разного толка. Казалось, у неё есть мнение обо всём – от бостонской гастрономической сцены до отношения людей к технологиям и текущим событиям. Что-то, как предположила Ками, могло быть спорным. Но в основном – болтовня и перепалки, как у девяноста процентов людей в интернете. Возможно,

она упускает что-то важное, и тогда придётся копнуть глубже.

– Нам нужно сложить все кусочки. Понять, как одно преступление связано с другим. В этом цель.

– Да, Коннор, – ответила Ками, хотя вовсе не была уверена, что это будет просто. Этот убийца явно проводил расследование. Тщательное расследование. Он знал, что в тот момент жертвы были одни, и умудрялся входить и выходить, совершая убийство так, что никто ничего не замечал. И всё это – при свете дня. Последнее преступление произошло всего пару часов назад.

Значит, он не боялся. Он был умён. И сейчас он опережал их на несколько ходов – положение, которое Ками теперь хотела изменить не меньше, чем Коннор.

– Приехали, – сказал он.

Ками резко подняла голову.

Коннор остановился у аккуратного пятиэтажного дома в одном из старых кварталов центра. Уже сейчас Ками видела: убийство притягивало толпу – люди собирались, с любопытством и ужасом глаза вокруг. У входа стояло несколько полицейских машин, и в вестибюле она заметила полицейского на посту.

Пока она смотрела, отъехал белый фургон – судя по всему, фургон коронера.

Ками затаила дыхание, отчаянно надеясь, что фургон увёз тело. Может, они уже успели забрать с места всё, что нужно.

Ей очень хотелось верить в это. Вид мёртвого тела на месте преступления входил в список её худших кошмаров – где-то в первых строках.

Коннор выбрался из машины и широким шагом направился в вестибюль, а Ками поспешила следом. Она пыталась охватить взглядом обстановку. Респектабельный дом с ухоженным, внушительным входом и колоннами снаружи. Лакированная стойка в холле. За ней стоял потрясённый швейцар – его допрашивал один из местных полицейских.

Где он был, когда всё это случилось? – подумала Ками. Как убийца прошёл мимо него?

По ошеломлённому, травмированному выражению лица паренька Ками не верила, что он мог быть к этому причастен, хотя не сомневалась: Коннор своими вопросами со временем это подтвердит. А ещё она была уверена, что убийца, достаточно хитрый, чтобы дважды выбраться с места преступления незамеченным, достаточно хитёр и для того, чтобы воспользоваться моментом, когда швейцар отошёл от стойки или вышел в туалет.

– Поговорим с ним позже, когда полиция закончит. Пойдём наверх и осмотрим место. Это на втором этаже, – сказал Коннор. – Держу пари, убийца поднялся по лестнице.

Были ли тут камеры? Думая о том, как технологии могли бы ей помочь, она огляделась.

Да. В вестибюле висела камера. Вот это уже полезно. Это можно было взять в работу.

– Нужно запросить запись, – пробормотал Коннор, направляясь к лестнице. Навстречу спускался другой полицейский. Он поздоровался с Коннором по имени, и они обменялись любезностями. Ками не упустила, насколько тепло звучал голос Коннора. Его буквально только она раздражала. А ведь она и поднадзорная, и напарница. Ну разве не «повезло»?

На миг мысли вернулись к молодому агенту Итану, с которым она познакомилась на прошлом деле. Итан тоже был в команде Коннора, хотя большую часть времени работал не с ним напрямую. Итан был симпатичный и умный – и совсем не типичный агент ФБР. Ками он очень нравился.

Но Итана здесь не было. Она не знала, где он. Возможно, его вообще не назначат на это дело. Поднимаясь по лестнице за Коннором, она понимала: придётся смириться с этой вероятностью.

По мере приближения к самому месту преступления атмосфера становилась приглушённой, почти шёпотной. Жёлтая лента оцепления перекрывала проход ко второй квартире со стороны лестничной клетки. Коннор нырнул под неё, и Ками сделала то же самое, чувствуя, как снова скручивает желудок.

У лифтов стояли несколько человек и наблюдали. Другие жильцы, предположила она. Возможно, они что-то видели или слышали. Ей отчаянно хотелось отделиться и поговорить с ними, а не идти туда, где произошло убийство.

– Посмотрим, что тут к чему, – пробормотал себе под нос Коннор, звуча бодро и целеустремлённо – будто им предстоит обычная рабочая задача.

Ками не думала, что когда-нибудь привыкнет к этому. И не хотела. Входить в личное пространство мёртвой женщины и шарить вокруг, выискивая подсказки в её жизни и вещах, казалось подглядыванием.

Хотя, если быть честной, Ками признала: в интернете она делает ровно то же самое. Там она быстро видит, где можно найти лазейку и как добраться до чужих личных данных. *Так что, наверное, твёрдо сказала она себе, надо собраться и понять: это то же самое.*

Просто здесь всё ощущалось острее и сильнее – потому что она была на месте, подходила к двери маленькой квартиры.

Первое, что она увидела – к своему огромному облегчению, – было то, что тело уже убрали. Оно больше не лежало там, где было описано в отчёте, – ничком, в дальнем конце коридора.

– Доброе утро, Коннор. – Полицейский быстро подошёл поздороваться, пока Коннор направлялся к коробке, где ждали перчатки, шапочки и бахилы.

Жалея, что она ещё такая новичок и такая неуклюжая в этих процедурах, Ками натянула всё на себя, сняв кепку ФБР, чтобы надеть шапочку. Она заметила, как у полицейского расширились глаза, когда он увидел её причёску. Явно

он был поражён тем, что она из ФБР – с выбритым, эффективным фейдом, – и этот смешок в его взгляде на секунду ослабил её напряжение.

– Дверь взломал. Быстро, грубо, – объяснил коп. – Похоже, он знал, какой там замок, потому что смог вскрыть его отмычкой. Поднялся по лестнице: лифт в тот момент был на верхнем этаже. Вошёл, застал её в коридоре. Ударил ножом в спину. Она пыталась убежать.

– А телефон? – спросил Коннор. Ками заметила, куда он смотрит. На месте, где упал телефон, стоял номерок. А сам телефон, как она увидела, был в пакете для вещественных доказательств – в коробке у двери.

– Она пыталась набрать 112. Мы это знаем, потому что в то время с этого адреса зафиксировали звонок в 112, но оператор сообщил, что слышен был только крик.

Ками пробрала дрожь. Жутко. Она так отчаянно пыталась позвать на помощь. Но всё случилось слишком быстро. Времени не было.

Её выбрали целью – хладнокровно и жестоко. Зачем?

Было два места, где, как думала Кэми, можно быстро найти ответы: телефон и камеры. Телефон лежал в пакете для вещественных доказательств, и, возможно, чтобы добраться до него, нужно было соблюсти какую-то процедуру.

Но камеры – куда быстрее. Сможет ли она взломать систему и посмотреть?

Пока Коннор мерил шагами квартиру, выискивая в жили-

ще Брук любые дополнительные улики или следы, Кэми решила попробовать.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Убийца никак не мог попасть в этот жилой комплекс, не пройдя через вестибюль. Кэми видела это, когда была внизу.

А раз он прошёл через вестибюль, значит, попал в объективы камер. Они были выставлены так, чтобы перекрывать вестибюль максимально эффективно. Это она тоже видела.

Теперь – как, опираясь на всё это, подсмотреть, кто он такой?

В этом доме стояли камеры наблюдения марки Nuwave. И Кэми знала, что у Nuwave есть один изъян в конструкции. Идентификатор пользователя защищён хуже, чем должен быть. До него можно добраться, если внедрить строку кода в командный центр. Более того, таким способом можно перехватить управление камерой и даже заблокировать доступ настоящему владельцу.

«Это весело и с этим невозможно бороться, если не скачать обновление», – вспомнила она слова одного однокурсника из Массачусетского технологического института. – «А обновление скачивают единицы. Ну вот кто этим вообще занимается?»

Кэми не собиралась захватывать камеру навсегда. Но ей хотелось доказать Коннору свою полезность – и сэкономить ему время. Наклонившись над телефоном, она принялась за работу, смутно улавливая, как в соседней комнате перегова-

риваются полицейские.

– Никаких следов проникновения дальше вестибюля? – услышала она вопрос Коннора, обращённый к другому копу.

– Нет. Ничего. Дальше он не пошёл – разве что к ноутбуку на столе, чтобы набрать сообщение, его фирменную подпись.

– Никакого ограбления?

– На первый взгляд ничего не пропало. Убийство быстрое. Вошёл – вышел, без прочих видимых причин.

– На клавиатуре отпечатков нет?

– Как и на прошлом месте. Только отпечатки жертвы. То же самое с дверной ручкой. Мы, конечно, прочедем всё до мелочей, но, думаю, этот тип осторожен и был в перчатках.

– Похоже, почерк не вяжется с жертвой, – заметил Коннор.

– Честно говоря, по-моему, это больше похоже на заказ, чем на что-либо ещё, – сказал коп, растерянно и тревожно. – Вот прямо именно так и выглядит. Может, и не совсем профессионально, но этот парень точно был хорошо подготовлен.

– Причина смерти? – спросил Коннор, и взгляд Кэми беспокойно скользнул к тёмному пятну на ковре у дальней двери. Там она умерла. Тело унесли, но следы остались. Вдохнув, Кэми показалось, что она чувствует запах крови – тяжёлый металлический привкус в воздухе.

– Три удара ножом в спину. Левая сторона. По словам коронера – длинное острое лезвие. Целился в сердце и, судя по

всему, попал, – ответил коп.

– Есть следы оружия?

– Нет. Он принёс его с собой и унес. Как и в прошлый раз: там тоже никаких следов. Он не пользуется тем, что есть в доме. На это нет времени.

– Что он пытается доказать? – пробормотал Коннор, раздражённо.

Кэми была внутри. Она обошла базовый брандмауэр и добралась до кода. И, конечно же, обновления не ставили. Потому что их никто никогда не ставит. Зачем вообще устанавливать заплатку на камеру наблюдения, если она исправно делает своё простое ежедневное дело – пишет видео?

Никто не думает, что камеру можно взломать. Никто не задумывается, чем это может обернуться.

Вот и запись. Она нашла архивы. Кэми прокрутила назад от текущего времени, продираясь сквозь историю. Сначала – полицейские. Полицейские заполнили весь кадр. Последними на месте были именно они.

Отматывая дальше назад, она увидела, как из подъезда вышла женщина средних лет, прижимая к себе сумочку – видно, спешила на работу и даже не подозревала, что в её же доме только что разыгралось тяжкое преступление.

Следом вышла другая женщина, держа за руку маленького ребёнка. Пока часы ползли обратно к восьми утра, в подъезд вошёл мужчина в форме курьера, и на миг она подумала, не он ли убийца, но тут же увидела, как он приветствует

консьержа, пожимая ему руку – словно они были знакомы.

И вот он появился. У Кэми перехватило дыхание, когда она его увидела.

Он был в тёмной одежде, в бейсболке, в массивной куртке, а лицо почти полностью скрывал шарф, намотанный до самых глаз. Он держал голову опущенной, шёл быстро, целеустремлённо. За стойкой никого не было. Он нажал кнопку вызова одной из квартир и коротко сказал что-то в домофон.

Потом с лязгом открылась решётчатая дверь, и он широким шагом поднялся по лестнице.

Кэми продолжала смотреть, сердце подступило к горлу, но он свернул раньше, чем самая дальняя камера в здании смогла чётко поймать его лицо. Ракурс был неудачный. Будто он знал, что за ним наблюдают, и, найдя слепую зону, специально выстроил траекторию так, чтобы пройти именно через неё.

Но и того, что она увидела, хватало.

Под шарфом и кепкой убийца казался высоким, атлетически сложенным, с широкими плечами. Он двигался уверенно, без тени колебаний и страха.

Кэми стало трудно дышать, пока она смотрела. В его яростной решимости было что-то такое, от чего кровь стыла в жилах. Этот тип был убийцей-одержимцем. Иначе и быть не могло.

Но почему решётка вообще открылась перед ним, позволив ему так уверенно пройти?

Он ведь точно не мог позвонить в квартиру Брук?

Нет, по времени это не сходилось. Если бы он позвонил ей, придумав правдоподобный предлог, она бы сама открыла ему дверь. Ему не пришлось бы врываться силой, и у неё не было бы ни времени, ни возможности набрать 911. Она оказалась бы с ним лицом к лицу – и он мог бы убить её мгновенно.

Но он так не сделал – вероятно, потому что она спросила бы, кто он такой, и не впустила бы его. Значит, он выбрал кого-то другого. Кого именно – и откуда он знал, что этот человек откроет? Потому что выглядело так, будто он был уверен заранее.

Она перемотала запись и снова приблизила изображение.

Если всмотреться, можно ли заметить движение его руки? Лицо он прятал от камеры, а вот руку – нет.

В замедленной съёмке Кэми посмотрела ещё раз, когда Коннор и второй полицейский вернулись из соседней комнаты.

– Ничего, – говорил Коннор раздражённо. – Теперь надо понять, как он попал внутрь. Как прошёл через вестибюль.

– Похоже, он выбрал момент, когда консьержа отвлекли вниз – открыть гаражные ворота. Значит, он следил за домом, – сказал полицейский. – Но всё равно, чтобы пройти через эту защитную дверь, кто-то должен был ему открыть и впустить по домофону.

– Он не звонил ей. Если бы звонил, она бы не успела на-

братъ 911, – сказал Коннор, повторяя мысли Кэми.

– Работы будет много: в этом комплексе тридцать пять квартир, – сказал полицейский.

– Начнём с тех, что ближе ко входу, и попробуем идти дальше. Но к тому времени, как мы всё это проверим, мы, возможно, уже будем ломать голову не над тем, откуда он пришёл, а где он сейчас.

Кэми нажала «Пауза» и повернулась к нему.

– А если я смогу выяснить это за вас? Это сэкономит вам время?

– Это зависит от того, сколько времени это займёт у вас, – буркнул Коннор, явно не оценив её стараний. – Дел полно. Мы не можем тратить часы на добычу этой информации. Иногда быстрее – ногами пройти.

«Вот, у меня здесь», – сказала она, на миг испытавдовольное удовлетворение от потрясения на его лице. – «По-моему, он позвонил в третью квартиру. Посмотри и скажи, что думаешь».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Пять минут спустя Кэми стояла в полушаге позади Коннора, пока он стучал в дверь квартиры номер три. Она радовалась, что смогла это вычислить. Теперь у них было – по крайней мере – представление о росте и комплекции убийцы; кроме того, они понимали, как он проник внутрь, а это могло привести их дальше.

Во всяком случае, она почувствовала надежду, услышав приближающиеся шаги.

– Кто там? – нервно спросил женский голос.

– ФБР, – громко ответил Коннор. Он поднёс удостоверение к глазку на двери.

Дверь приоткрыла измученная женщина лет тридцати с небольшим, держа за руку маленького сына. Лицо у неё было бледное, без макияжа, волосы кое-как стянуты в хвост. Но на ней была красиво вышитая блузка, ногти аккуратно сделаны, а квартира за её спиной выглядела уютной и со вкусом: настенные гобелены, украшения из бисера, яркие ковры ручной вязки.

Её взгляд задержался на Конноре и с любопытством скользнул к Кэми. В глазах был страх. Выражение – настороженное.

– Специальный агент ФБР Коннор, – коротко представился Коннор. – Мэм, нам нужно с вами поговорить. – Он взгля-

нул на её сына.

– Иди в свою комнату, – сказала она, развернула мальчика и легонько похлопала по спине.

Коннор подождал, пока тот не скрылся из виду, и продолжил:

– Не знаю, в курсе ли вы, но наверху произошло убийство? Женщина прижала руку к горлу, словно от этих слов стало больно.

– Я слышала, – дрожащим голосом сказала она. – Швейцар сказал, что кого-то убили. Он со мной связался и велел, наверное, какое-то время не пускать детей вниз. Но я не знала, что это кто-то из жильцов! Кто?

– Брук Перкинс, – сказал Коннор.

С шумом втянув воздух, она прижала ладонь ко рту.

– Нет! – вырвалось у неё.

Но Кэми удивило, что женщина не выглядела такой искренне убитой горем, как она ожидала. Шок – да. Но не раздавленность, не то отчаянное горе, которое Кэми представляла, услышь человек о смерти соседки.

Вспоминая комментарии, которые читала в интернете, Кэми начала задумываться, не была ли Брук человеком тяжёлым. Тем, кого не особо любили. И, возможно, именно в этом, подумала она, и кроется подсказка к её смерти.

Коннор же шёл напролом к главной причине их появления на пороге. Кэми не знала, уловил ли он то же, что и она.

– Как вас зовут, мэм? – спросил он.

– Марлен Сомерс.

– Вы хорошо знали погибшую?

– Нет. Почти не знала. Мне кажется, мы разговаривали
раза два, не больше.

– И как давно вы здесь живёте?

– Два года. Она уже жила здесь, когда я въехала.

Кэми догадалась: он задаёт эти простые вопросы, чтобы
Марлен немного пришла в себя. Потому что, без сомнений,
её ждёт удар, когда он скажет, как убийца проник в дом.

Она увидела, как Коннор набирает воздух, и поняла: по-
ра. Сейчас прозвучит тот самый вопрос. И она знала – для
этой женщины это будет сокрушительно, ведь она наверняка
решил, что в случившемся виновата она.

– Мисс Сомерс, сегодня утром вы впускали кого-нибудь
в здание?

– Я... ну да. Я делаю вещи ручной работы и всякое домаш-
нее. Украшения, одежду, декор. Ко мне постоянно приходят
курьеры и доставщики – то забрать, то привезти. – Она на-
хмурилась. – Но сегодня утром, да, я помню: домофон звяк-
нул, а курьер не поднялся. Он вошёл минут через десять.

– То есть вы открыли кому-то, но к вашей двери он так
и не подошёл?

Было ясно: Марлен складывает два и два. Она в ужасе
установилась на Коннора.

– Это был он? Это я пустила убийцу?

Коннор пожал плечами.

– Мы ещё уточняем хронологию. Но если кто-то позвонил вам, а к вашей двери так и не поднялся, то весьма вероятно.

Марджлин теперь моргала, смахивая слёзы. Лицо у неё было бледнее простыни. – Если бы я это сделала, я бы себе никогда не простила. Это же самая страшная катастрофа, о какой я только слышала. Это я виновата, что её убили?

Коннор покачал головой. – Мэм, без сомнений, Брук выбрали целью намеренно. Почему – мы не знаем. Преступление тщательно подготовлено, и если бы звонок в домофон не сработал, он нашёл бы другой способ.

– Я всё равно... я не могу... – слёзы уже текли по её щекам.

– Мужчина говорил с вами, когда вы открыли дверь? – спросила Кэми.

– Да. То есть я бы не впустила какого-то случайного незнакомца! Я сказала: «Кто там?», а он ответил: «Курьер». И всё. Больше я не помню, чтобы он что-то говорил. Голос был обычный.

– Местный? С акцентом?

– Местный, думаю. Я не уловила никакого странного или необычного акцента. Хотела бы я сложить два и два, когда он так и не пришёл, но у меня зазвонил телефон, ребёнок плакал, и вообще это было одно из таких утр. Я просто выбросила это из головы.

Кэми взглянула на Коннора. Он выглядел так, будто напряжённо размышлял.

– Можете сказать нам о нём ещё хоть что-нибудь? Вообще что угодно? – спросил Коннор. – Вы заметили снаружи машину?

С уровня улицы она могла бы, подумала Кэми. Но Марджлин покачала головой. – У меня были закрыты шторы, – объяснила она.

– Снаружи есть какая-нибудь вывеска, что здесь ваш бизнес?

Она покачала головой. – Я работаю через интернет, так что вывески у меня нет. Дом бы не разрешил, да и вообще я не магазин. Мне нельзя, чтобы люди приходили и копались в моём товаре. *Стоило ей заговорить о работе, как она, кажется, немного успокоилась,* подумала Кэми. *Она выглядела уже не такой напряжённой.*

– Значит, о вашем бизнесе знают только курьеры и службы доставки?

– Да, всё верно.

– И как часто у вас бывают заборы?

– Почти каждое буднее утро. Обычно забирают между семью и девятью утра. Один или два забора – смотря куда отправляется товар.

Кэми прикинула: если кто-то наблюдал за домом и собирал сведения, выяснить это было нетрудно. Возможно, убийца искал способ попасть внутрь, а этот оказался самым простым. Коннор прав, поняла она. Не будь этой возможности – он нашёл бы другую. Его цель была быстро проникнуть,

убить и уйти.

– Спасибо, мэм. То, что вы нам рассказали, очень помогло, – сказал Коннор.

– Я всё ещё в шоке. Я чувствую себя виноватой. И мне страшно. Сейчас мне кажется, что нам лучше переехать. Моя семья в опасности? – спросила она с мольбой.

Коннор коротко кивнул. – Мы пока слишком мало знаем, так что меры предосторожности не помешают. Пожалуйста, берегите себя и будьте начеку. Это серия, и мы всё ещё собираем информацию, но пока он нанёс удары в двух совершенно разных районах.

Её глаза расширились, когда она услышала это.

– Всем нужно быть осторожными, пока мы не распутаем дело, – подытожил Коннор. – Следите, кого впускаете. И позаботьтесь о надёжной защите входной двери. Держите цепочку.

– Обязательно, – дрожащим голосом ответила она.

Они отвернулись.

– Этот тип, должно быть, планировал и наблюдал, – сказала Кэми, когда они с Коннором шли обратно в вестибюль. – Может, он даже как-то изучил дом через интернет? Раз он отслеживал жертв в сети?

– Возможно, – согласился Коннор, но в его голосе не слышалось энтузиазма по поводу её идеи.

– Не думаешь, что это вероятно?

– Есть и другая версия, и мы всегда начинаем именно с

неё, – сказал он.

– Какая?

– Убийца был знаком жертвам. Один из них или оба его знали. Удивишься, как часто убийство совершает кто-то близкий. А другое – может быть дымовой завесой, или же у одного и того же человека могла быть связь с обоими. Прежде чем двигаться дальше, нам нужно проверить связи жертв.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сразу после того, как он произнёс слова о связях жертв, мысли Коннора вернулись к телефону, лежавшему в пакете для улик. В телефоне Брук могло быть море информации. Она могла переписываться с убийцей. Особенно если она была очень активна в соцсетях. А если и другая жертва тоже – возможно, это и есть общий знаменатель.

– Можем посмотреть её телефон? – спросила Кэми.

– Да, можем. – Обычно телефон отправили бы технарям. Но он уже достаточно видел айтишные способности Кэми, чтобы понимать: в этот раз они, возможно, сработают быстрее, пусть потом телефон всё равно придётся правильно оформить по цепочке хранения улик. – Сможешь его открыть? – спросил он.

Он постарался задать вопрос буднично. Будто ни на секунду не сомневался, что Кэми разблокирует этот телефон и доберётся до информации быстрее, чем технари. Хотя понятия не имел, получится ли. В прошлый раз это могло быть просто удачным совпадением. Не факт, что она так же легко повторит успех.

– Да. Я видела, какая это модель. Примерно семьдесят процентов, что я быстро пролезу хотя бы в часть содержимого, – подтвердила она.

Он ощутил вспышку восхищения этой необычной девчон-

кой, с которой его снова поставили в пару. Странно: он всё лучше начинал понимать, как устроен её ум, хотя в рабочее время почти не позволял чувствам проступать наружу. Коннор давно усвоил: лучше держать эти вещи холодно и строго отдельно. Опыт научил его, что работа тяжёлая и опасная, и хотя верность в ФБР жизненно важна, слишком сближаться с напарником или коллегой тоже рискованно. Он выучил это на собственной шкуре. Горе от потери напарника, который был ещё и близким другом, бывает невыносимым. Теперь Коннор предпочитал оставаться за своими стенами.

Он быстро пролистал базовые заметки по делу в папке, проверяя, удалось ли уже установить какие-то контакты.

– Брук работала на себя, – сказал он Кэми. – Бизнес в соцсетях оформлен на неё. И, похоже, оба её родителя умерли.

– А друзья или родственники поблизости у неё есть? – спросила Кэми.

Коннор покачал головой.

– Судя по этому – нет. По тем базовым записям, к которым мы получили доступ, у неё есть сестра, живёт за границей. И это всё, что у нас есть. В момент убийства она сидела на публичном новостном сайте и оставляла комментарии к статье о пожилых людях в домах престарелых – там как раз разгорелся спор.

– Значит, увидеть её там мог кто угодно?

– Да. Кто угодно. Но вопрос в другом: кто знал её привычки? Знал ли кто-то, что в это время она, скорее всего, будет

онлайн? Может, кто-то даже убедился, что она в сети. Значит, нам нужна информация о друзьях, деловых контактах и о том, есть ли у неё парень. И ещё – свежие сообщения и звонки. Пока ты пытаешься вскрыть телефон, я пойду опрошусь соседей и выясню, что они могут нам рассказать. Ты – техника. Я – работа на месте.

Он широким шагом отошёл, ощущая странную смесь раздражения и облегчения от того, что его снова поставили с этой юной техногением. Она определённо задевала его за живое – это точно. Ему приходилось бороться, чтобы хоть как-то совместиться с её мировоззрением «никаких правил не существует». Держать её под своим надзором было нервно: он понятия не имел, что она выкинет в следующую минуту. Она могла не сделать ничего – а могла сорваться в полный самовол. В прошлом она уже совершала преступление и, похоже, не придавала должного значения разнице между законным и незаконным. Это его всерьёз тревожило. Потому что Кэми и контроль – вещи несовместимые. Один неверный шаг мог утопить дело или даже похоронить его карьеру.

С другой стороны, она только что посмотрела запись с камеры, благодаря которой они поняли, как преступник проник внутрь. Это сэкономило им кучу времени, а она провёрнула всё так, будто это пустяк. Она не хвасталась своими навыками. Казалось, она и сама не думает о том, насколько необычны её способности.

Он слишком часто видел людей, которые громко заявля-

ли, что «умеют», а стоило проверить – и ничего не выходило. Но с Кэми было наоборот.

Что ж, он посмотрит, какого прогресса она добьётся. А сейчас пора выяснить, кто ещё дома и кто в этом многоквартирном доме знал Брук.

Коннор двинулся к двери справа от её квартиры. Подходя, он уже чувствовал: дома никого нет. Шторы на маленьком окне, выходящем в коридор, были задёрнуты. Квартира казалась безмолвной.

Он всё равно постучал.

Как и ожидалось – тишина.

Он решил пройти ещё на одну квартиру дальше, а потом вернуться и проверить другую сторону. И, идя дальше, понял, что решение верное. Здесь кто-то действительно был дома.

Коннор постучал.

Дверь открыл молодой темноволосый парень. Сразу мелькнула мысль: студент, сын кого-то из жильцов. Слишком молод, чтобы снимать такое жильё самому. Похоже, у него сегодня выходной от занятий.

И держался он расслабленно. Сюда новости ещё не докатились. Но, увидев на пороге Коннора, он удивлённо распахнул глаза.

– Э-э... я могу вам помочь? Вы из полиции? – с недоверием в голосе спросил он.

– ФБР, – сказал Коннор. – Здесь произошло убийство.

В глазах парня мгновенно вспыхнул страх.

– Убийство? То есть... здесь? В нашем доме? – вырвалось у него.

– Верно, – подтвердил Коннор.

– В какой квартире? Кто? – паническая нотка стала ещё сильнее. – Мама с ума сойдёт, – пробормотал он.

– Двумя дверями ниже. Брук Перкинс.

– Она? – удивился он.

– Как вас зовут? – спросил Коннор.

– Трент Холлидей, – ответил он.

– Вы что-нибудь слышали, мистер Холлидей? – спросил Коннор. – Это случилось рано утром. Примерно три с половиной часа назад.

Парень покачал головой.

– Я проходил онлайн-урок, был в наушниках. Как закончился, сразу сел за учебное задание и включил музыку. Так что с утра я почти ничего не замечал.

– Если вы один дома, вам лучше быть начеку, пока дело не раскроют, – предупредил Коннор.

– Да. Да, понимаю. Жутко. Двумя дверями ниже?

Он видел, как парня передёрнуло: тот явно представлял, что могло происходить в её квартире и что там творилось во время убийств.

– Вы её знали? – спросил Коннор.

Трент вдруг стал осторожным. Почти нерешительным.

– Не то чтобы, – сказал он.

– Вы и сами в этом не уверены, – заметил Коннор.

Трент опустил взгляд, заёрзал.

– Мне, наверное, не стоит это говорить, – пробормотал он.

– Говори, сынок. Если это может помочь спасти ещё чью-то жизнь – я должен это услышать. – Коннор упёрся в дверной проём и стал ждать.

– Ну... она была... она была человеком непростым. Тяжёлым. Ей всё не нравилось, ко всему придиралась. Пару недель назад я вернулся поздно, и она услышала, как я прошёл мимо. На следующий день она отправила моей маме письмо с жалобой. Я знаю, многие её боялись. Она могла быть очень жёсткой. Так что да... не знаю, кто вам это скажет. Может, придётся мне, хоть я и не был с ней знаком близко, но она здесь не была самой любимой. Это точно.

– Спасибо, что сказали.

Коннор почувствовал тревогу, переваривая услышанное.

Обычно в такой ситуации каждый стремился говорить о покойной хорошо – если только не было серьёзной, всем известной вражды. И даже тогда это обычно подавали мягче.

Но сделать такое заявление, будучи всего лишь случайным знакомым, означало, что жертва и правда не слишком старалась заводить друзей. И, более того, что она, возможно, наоборот, из кожи вон лезла, чтобы устраивать неприятности. Такие люди встречаются. А для следователя работа становится куда сложнее, когда убивают именно таких.

– С кем-нибудь в этом доме она была близка? – спросил

он.

Но Трент покачал головой.

– Не знаю никого. Хотя я и сам её толком не знал. Зато слышал, как люди обсуждали её, когда она подавала жалобу. А делала она это часто. Есть группа в соцсетях, она иногда туда заходила – опять же, жаловаться. Ни с кем она, похоже, не дружила и злейших врагов тоже ни с кем не имела.

– К ней кто-нибудь приходил?

Снова качок головой.

– Не замечал. Если честно, я просто старался держаться от неё подальше. Так проще всего. Думаю, в каждом жилом комплексе есть такие люди. И нет смысла с ними бодаться.

Коннор поблагодарил его и отошёл, чувствуя тревогу. Похоже, Брук совсем не пыталась быть приятной или хотя бы по-соседски дружелюбной. А то, что она так вела себя с людьми в том же доме, означало более длинный список подозреваемых. Люди последовательны – одна из его личных истин. И, судя по всему, Брук одинаково плохо обращалась и с соседями, и с другими жильцами.

Он постучал в две двери на противоположной стороне, но, похоже, в этот час большинство соседей были либо вне дома, либо на работе. Район был рабочий.

И он почему-то сомневался, что у Брук здесь было много близких друзей. Похоже, она держалась особняком и хотела, чтобы остальные делали то же самое. Значит, самый быстрый путь к её связям лежал через телефон, и вдруг Коннор отча-

янно понадеялся, что Ками всё-таки удалось в него войти.

Он поспешил обратно вниз, в вестибюль, где она сидела в углу за стойкой и возилась с аппаратом. Коннор на минуту отвлёкся и поговорил с швейцаром, но разговор лишь подтвердил: в последние недели Брук сюда почти никто не навещался, хотя она часто выходила и время от времени получала доставку.

И тут Коннор услышал, как Ками победно ахнула. Он метнулся к ней, и она подняла на него взгляд – лицо светилось, глаза ожили.

– Я уже думала, что не получится. Едва-едва, но я всё-таки вошла, – сказала она. – И тут, похоже, куча сообщений. Ничего плохого или угрожающего пока не вижу, но могу посмотреть внимательнее. В основном я искала связи.

– Нашла какие-нибудь?

– Много рабочих переписок – безличных и очень коротких. Она общалась с кучей клиентов. – Коннор смотрел, как Ками пролистывает назад.

– Вот кое-что. – В её голосе прозвучало облегчение. – Недавние сообщения с подругой, с которой она, судя по цепочке, переписывалась регулярно.

– И кто эта подруга? – спросил Коннор, ощутив всплеск надежды: наконец-то они нашли кого-то, с кем Брук была хотя бы в нормальных отношениях.

– Её зовут Барби. И, судя по сообщениям, она живёт в Бостоне, – сказала Ками. – Думаю, это значит, что они виде-

лись. — Она снова глянула в телефон. — Да. Они встречались всего несколько дней назад, здесь видно, как они договаривались.

— Узнай, где она живёт, — сказал Коннор, с неохотным удовлетворением чувствуя, что Ками вывела их на следующий важный шаг.

Он хотел поговорить с Барби лицом к лицу — и чем скорее, тем лучше.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Барби Пратт жила в районе Сипорт – одном из самых дорогих в Бостоне. Ками не смогла найти никаких сведений о её работе – только о её муже, Эде Пратте, который работал в архитектурной фирме.

– Барби, наверное, домохозяйка? – спросил Коннор, когда они забирались в машину. – Значит, едем прямо к ней домой и надеемся застать её там.

– Она может работать неполный день, или в благотворительной организации, или вести дело из дома, – предложила Ками, раздражённая его предположением.

«Да, такое возможно», – согласился Коннор, выруливая на дорогу, но в его голосе прозвучала нотка, которая говорила об обратном.

«Думаешь, ты прав, а я ошибаюсь?» – бросила она ему вызов.

«Скажем так: мне уже доводилось вести дела в этих местах, и я вижу это именно так. Я просто ставлю на наиболее вероятное», – сухо сказал Коннор, и у Кэми снова поднялась шерсть дыбом.

Даже если он прав, почему он обязательно должен быть таким «либо по-моему, либо никак», – кипела она.

Но ей пришлось признать, что у Коннора здесь есть опыт и что у него сложилось представление, чего ожидать в этом

районе. Кэми никогда не проводила там времени и всего пару раз проезжала насквозь. Она выросла в Маттапане. Там работал её отец – в одном из самых неблагополучных районов города. Там, как она предполагала, он и теперь жил вместе с её матерью – в маленьком доме с крошечным двором в конце улицы, у самой границы заброшенной фабрики.

Она давно не возвращалась домой. После исчезновения Дженны Кэми решила, что будет пробиваться в жизни сама и не попросит у родителей ни копейки. Ей не хотелось чувствовать себя им обязанной. Не тогда, когда отец умел подвешивать такие долги над её головой, как лезвие.

Она бы предпочла разорвать с ними отношения, как бы больно ни было. Но она знала, что исчезновение Дженны поразному ударило по каждому из них, и снова Кэми охватило чувство дурного предчувствия, стоило ей вспомнить ту папку и то, как она сама собой стерлась.

Почему? Кто за этим стоял и какие сведения они не хотели, чтобы она увидела?

И что ещё хуже – не узнали ли они теперь, кто она такая?

Оттолкнув эти тревожные мысли, она снова сосредоточилась на дороге: они сворачивали на Бродсайд-стрит, где жила Барби.

«Вот её дом». Коннор остановился у изящного, облицованного камнем дома, утопающего в зелени, с пышными клумбами. «Ну что, пойдём посмотрим, дома ли она». Он вышел из машины и обернулся к Кэми. «Помни: она может

ещё не зная, что её подруга погибла».

Кэми решила, что сообщать о смерти – одна из самых тяжёлых сторон работы с ФБР. Она пошла следом за Коннором по аккуратной каменной дорожке, с тревогой ожидая, что будет дальше, пока он нажимал на звонок.

Кэми гадала, не откроет ли дверь в этом богатом районе горничная, няня-ау-пэр или даже дворецкий, но на пороге появилась женщина, точь-в-точь как на фотографии в удостоверении, которое Кэми видела. Барби была миниатюрной, с мелированными светлыми волосами и пронзительно-голубыми глазами.

Она была в лосинах для йоги. *Очко Коннору*, – неохотно подумала Кэми.

«Чем могу помочь?» – спросила она.

«Миссис Пратт?» – уточнил Коннор торжественным голосом.

«Да, это я», – ответила она, и крошечная складка нахмуренности нарушила безупречную гладь её лба.

«Я агент ФБР Коннор. Произошло убийство», – сказал он, показывая жетон и переходя к делу жёстко, но по-деловому. – «Мне очень жаль вам это сообщать, но сегодня утром убили Брук Перкинс. Поэтому мы здесь. Мы расследуем её смерть, и, насколько я понимаю, вы хорошо её знали».

Барби даже физически отступила на шаг, пошатнулась, оказавшись на богато расцветённом ковре в холле, и подалась вперёд, ссутулив плечи.

«Нет! Нет!» – она снова уставилась на Коннора широко раскрытыми глазами, словно умоляя его. – «Не может быть. Она моя близкая подруга».

Коннор дал ей минуту, а Кэми тем временем оглядела дом, чувствуя себя неловко от того, что приходится смотреть, как Барби, прислонившись к стене, уткнулась лицом в ладони и разрыдалась.

Через арку была видна гостиная, выдержанная в сталь-но-синих и сланцево-серых тонах. Дом был очень современный, очень минималистичный. Казалось, в нём легко дышать и успокаиваться.

«Что случилось?» – наконец спросила Барби дрожащим голосом, справившись с первичным потрясением.

– Сегодня утром к ней в дом вломились. Её ударили ножом. На ограбление это не похоже. Похоже на недавнее похожее преступление неподалёку, несколько дней назад.

– Серийный убийца? – лицо Барби побледнело. – Я помню, сегодня что-то такое мелькало в новостях, но я не слушала и, кажется, подробностей не было. Про Брук точно не говорили. Почему она?

– Мы пока не знаем, – сказал Коннор. – Собираем всю информацию, какую можем, и ищем данные о её жизни и круге общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.